 0-789740

На правах рукописи

Челпанова Диана Дмитриевна

**ХАРАКТЕР И ДИНАМИКА
ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ**

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Новочеркасск – 2011

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» на кафедре «Теоретическая социология»

Научный руководитель

доктор социологических наук, профессор Мостовая Ирина Владимировна

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор Дегтярев Александр Константинович
кандидат социологических наук, доцент Ткачев Максим Викторович

Ведущая организация

Ставропольский государственный университет

Защита состоится «15» октября 2011 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.304.10 по социологическим наукам в Южно-Российском государственном техническом университете (Новочеркасском политехническом институте) по адресу: 346428, г. Новочеркасск Ростовской области, ул. Просвещения, 132.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасском политехническом институте) по адресу: 346428, г. Новочеркасск Ростовской области, ул. Просвещения, 132.

Автореферат разослан «15» сентября 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000687433

Ученый секретарь
диссертационного совета

Губанова Е.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Протестная активность представляет сегодня собой массовое явление. Волна недовольства прокатилась в ряде стран Восточной Европы (Грузия, Украина, Киргизия, Белоруссия, Армения, Молдавия и др.), а также в странах арабского мира (Тунис, Египет, Алжир, Сирия, Ливия и др.) с различными требованиями, вплоть до смены политического режима.

В результате массовых демонстраций, протестных выступлений распалась Советская социалистическая система. В целом в России за последние 20 лет наиболее масштабными были шахтерские забастовки 1991 г., «рельсовая война» 1998 г. и др. Последним массовым явлением следует отметить выступления против монетизации льгот в 2005 г., очередной раз пошатнувшие доверие населения к власти.

Достаточно специфично на общероссийском фоне выглядит социальный протест на Юге России, особенно в таком, традиционно конфликтогенном регионе как Северный Кавказ.

Необходимость исследования социального протеста продиктована как методологическими сложностями к определению самого понятия, так слабыми методологическими основами изучения данного явления. Социальный и политический протест в России остается недостаточно изученным, интерпретации эмпирических результатов противоречивы, отражая как слабую методологическую проработку подходов к исследованию данного феномена, так и нередкое отсутствие у исследователей установки на проверку гипотез, вытекающих из теорий, выдвинутых в современной социологии. В настоящем исследовании мы постараемся не только более детально проработать проблему социологического анализа причин социальных протестов, но и рассмотреть их в более широком контексте проблемы модернизации.

Степень научной разработанности темы исследования.

Социальный протест выступает предметом анализа многих социально-гуманитарных наук. В философских науках протест рассматривается как одна из форм поведения личности (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм и др.¹) или социальных групп (Х. Ортега-и-Гассет, К. Нзбб, Д. Барлоу, П. Сорокин,

¹ См.: Адорно Т. Исследование авторитарной личности. – М., 2001; Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – М., 2003; Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – М., 2004.

Ш. Эйзенштадт, К. Леггеви, А. Негри, М. Хардт и др.²). В социологии с середины XIX века протест рассматривается как проявление социального недовольства, как один из видов политического поведения (П. Бурдьё, И. Валлерстайн, Р. Дарендорф, Р. Мертон, Н. Луман, М.М. Назаров, Ю.Е. Растов и др.³). В юридической науке анализируются конвенциональные виды протеста как проявления важнейшего принципа свободы гражданина (Д. Харрис, Д. Гомьен, И.Н. Аксенов, В.А. Туманов и др.⁴). В исторических науках внимание акцентируется на закономерностях и механизмах смены общественных и политических систем через призму интерпретации социальных протестов, революций (Т. Скокпол, Т. Шанин и др.⁵). В политической науке протест анализируется в рамках бихевиоризма (Д. Истон, П. Лазарсфельд, А. Кэмпбелл, Ф. Конверс и др.⁶) – как реализация убеждений личности, его политического выбора на индивидуальном уровне. Деятельностный подход исследует протест как коллективное действие (Т. Парсонс, А. Турен и др.⁷). Экологическая школа представлена в работе Ф. Гогеля. Личностно-психологическое направление отражено в трудах Т.Р. Гарра, К. Райта, Л. Уайта, Г. Лассуэла и др. Рискологическое направление изучает возникновение протестных настроений в условиях формирования глобального общества риска (У. Бек, О.Н. Яницкий, Е.А. Здравомыслова, П. Штомпка и др.⁸). Общественно-политическими движениями занимались А. Вебер, А. Каллиникос и др.⁹; объединениями рабочих – П.В. Бизюкова, Л.А.

² См.: Барлоу Д. Декларация независимости киберпространства. – М., 2004; Нэбб К. Радость революции. – М., 2003; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М., 2003; Хардт М., Негри А. Империя. – М., 2004; Леггеви К. Транснациональные движения и вопрос демократии // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 1; Сорокин П. Социология революции. – М., 2005; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование общества: Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999.

³ См.: Бурдьё П. Социология политики. – М., 1993; Валлерстайн И. После либерализма. – М., 2003; Дарендорф Р. Тропы из утопии. – М., 2002; Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 3–4; Назаров М. М. Политический протест: опыт экономического анализа // Социологические исследования. 1995. № 11; Растов Ю. Е. Протестное поведение в регионе // Социологические исследования. 1996. № 6

⁴ См.: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская Конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: Право и практика. – М., 1998; Аксенов И. Н. Права граждан на забастовку // Донской юридический институт. Ученые записки. Ростов н/Д, 1997. Т. 2.

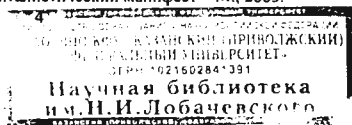
⁵ См.: Шанин Т. Революция как момент истины: Россия, (1905–1907) – (1917–1922). – М., 1997.

⁶ См.: Easton D. A System Analysis of Political Life. – N.Y., 1965; Lazarsfeld P. F., Berelson B.R., Gaudet H. The Peoples Choice: How the Voter Makes Up His Mind in Presidential Campaign. – N.Y., 1948; Campbell A., Converse P. E., Miller W. E., Stokes D. E. The American Voter. – N.Y., 1960.

⁷ См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2002; Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1997; Турен А. Возвращение человека действующего. – М., 1998.

⁸ См.: Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. – М., 2000; Здравомыслова Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений. – СПб., 1993; Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1.

⁹ См.: Вебер А. В поисках альтернативы: два вектора политики и новые протестные движения // Свободная мысль – XXI. 2003. № 1; Каллиникос А. Антикапиталистический манифест – М., 2005.

Гордон, И.Г. Шаблинский и др.¹⁰; экологическими организациями - И.А. Халий, С.Р. Фомичев, О.Д. Цепилова и др.¹¹; исследователями феминистского направления - Е.А. Здравомыслова, Т.А. Клименкова, Л.Г. Луныкова и др.¹²; оппозиционных партий и движений - И.А. Климов, А.В. Кинсбургский, О.В. Келасьев и др.¹³

Анализ абсентеизма выступает в качестве самостоятельного направления исследования политического протеста в работах А.И. Кочетков, А.Е. Любарев, А.А. Галкин и др.¹⁴

Появление темы исследований социального протеста в мировой социологии относится ко времени молодежной революции 1960-х гг., когда социальная потребность в понимании сути молодежного бунта вызвала рост интереса к проблематике протеста. Формируются теоретические концепции протеста - парадигма коллективного действия (Ч. Тилли, М. Залд, С. Тэрроу и др.¹⁵) и теория относительной депривации (Дж. Дэвис, Т. Гарр, Р. Тернер и др.¹⁶), в которых основное внимание уделяется мотивам участия личности в протесте. Эти подходы до сих пор преобладают в американских исследованиях социального протеста (Д. Сноу, У. Гэмсон).

В советской науке исследования протеста возникли в 1960-е гг., но их контекст был иным. Большинство работ ограничивалось критикой соответствующих западных концепций, которым противопоставлялась теория классовой борьбы и социальной революции. На данном этапе изучением протестной проблематики у нас занимались философы, среди

¹⁰ См.: Гордон Л. А. Общество «недовольных»: Особенности массового сознания в переходный период // Политические исследования. 1998. № 3; Шаблинский И. Г. Куда движется наше рабочее движение // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 4.

¹¹ См.: Фомичев С. Р. Зеленые: взгляд изнутри // Политические исследования. 1992. № 1; Халий И. А. Общественность регионов России на страже окружающей среды. – М., 2000; Цепилова О. Д. Общественные движения в районе экологического бедствия: история возникновения, развитие, социальные последствия (на примере г. Кириши) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 1; Яницкий О. Н. Эволюция экологического движения в современной России // Социологические исследования. 1995. № 8.

¹² См.: Здравомыслова Е. Коллективная биография современных российских феминисток // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: тр. Центра независимых социальных исследований. 1996. № 4; Клименкова Т. А., Луныкова Л. Г., Хоткина З. А. Конференция МЦГИ: взаимодействие женских исследований и женского движения // Гендерные аспекты социальной трансформации. Сер. «Демография и социология» / Под ред. М. М. Малышевой. – М., 1996. Вып. 15.

¹³ См.: Климов И. А. Протестное движение в России: взаимная обусловленность стратегий сторон // Политические исследования. 1999. № 1; Кинсбургский А. В. «Гражданские качели» России: от массового протеста до поддержки реформ // Власть. 2006. № 5; Келасьев О. В. Специфика коммуникации власти и населения в контексте массового публичного протеста // Журнал социологии и антропологии. 2006. Т. 9. № 1.

¹⁴ См.: Кочетков А. Кто победит на парламентских выборах 2002 года? // Власть. – 2003. № 3; Любарев А. Е. Голосование «против всех»: мотвы и тенденции // Политические исследования. 2003. № 6; Галкин А. А. О сенсации, которая не состоялась // Политические исследования. 2004. № 1.

¹⁵ См.: Тилл Ч. Социальные движения. – М.: Парадигма, 2004; Тэрроу С. Сила в движении: общественные, социальные движения и политика. – Университет Кембриджа, 1994.

¹⁶ Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. – СПб., 2005.

которых нужно, прежде всего, назвать К.Г. Мяло, В.В. Большакова, Э.Я. Баталова.¹⁷

Второй этап исследований протеста начинается с конца восьмидесятых годов XX в. Известные радикальные перемены, так и бурный рост самого протестного движения в нашей стране обуславливают возникновение направления исследований протеста.

В области методологии данного исследовательского направления можно выделить три тенденции. Первая – ориентация в изучении протеста на теорию относительной депривации, где главным фактором возникновения социального протеста считается чувство недовольства личности (М. Назаров, А. Кинсбургский, М. Топалов, Ю. Левада и др.). Вторая – обращение не только к депривационным моделям, но и к различным версиям теорий мобилизации ресурсов, политического процесса и т.д. (В. Костюшев, Е. Здравомыслова, В. Сафронов и др.). Третья тенденция – поворот (начиная с 1990-х гг.) к современным отечественным концепциям в объяснении феномена социального протеста в России. В этот период появляются следующие направления исследований:

1. Разработка общетеоретических проблем протеста, состоящая в обосновании конфликтологического подхода к анализу социальных протестов (Е.И. Степанов, А.В. Дмитриев, Ю.Е. Растов и др.).

2. Изучение забастовки как формы коллективного протеста представляет собой отдельное направление исследований, наиболее разработанное в литературе. В работах А. Кравченко, А. Нозимовой, В. Шаленко, А. Зайцева выделены современные причины и характеристики забастовок.

3. Особое место занимает разработка проблем социального протеста в регионах в контексте современной концепции жизненных сил человека (С.И. Григорьев, Ю.Е. Растов, В.В. Бондарев и др.).

В настоящий период в отечественной литературе исследуются различные аспекты социального протеста населения. Политическим формам протеста посвящены работы М. Назарова, В. Костюшева, Л. Гордона, Э. Клопова и др. Изучением экологического движения протеста занимались О. Яницкий, В. Глазачев и др. Социально-психологические вопросы протеста

¹⁷ См.: Мяло К.Г. Социальная динамика майского движения // Вопросы философии. 1969. № 6; Баталов Э.Я. «Новые левые» и Герберт Маркузе. – М., 1970; Баталов Э.Я. Философия бунта. – М., 1973; Ломейко В. Левее истины. М., 1970; Баннов Б. Мятёж возмущенного разума. М., 1970; Араб-Оглы Э., Жирицкий А. Молодежь и будущее Америки // Мировая экономика и международные отношения. 1971. №10; Новинская М.И. «Студенческая революция» в США и кризис буржуазных ценностей // Вопросы философии. 1972. № 2.

освещены Д. Ольшанским, М. Топаловым, А. Кинсбургским и др. Некоторые стороны женского движения протеста описаны Е. Здравомысловой, А. Темкиной и др.

С точки зрения предмета исследования настоящей работы важное значение имеют труды авторов, объектом которых выступает Северный Кавказ (Тишков В.А., Дмитриев А.В., Хопёрская Л.Л., Денисова Г.С., Аствацатурова М.А., Авксентьев В.А., Коновалов В.Н., Гриценко Г.Д., Дзадзиев А.Б., Гуня А.Н., Тетуев А.И., Цуциев А.А., Белозеров В.С., Черноус В.В. и др.¹⁸)

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования являются социальные протесты, проходившие на территории Юга России в период с 2007 по 2010 гг. Предметом исследования выступают причины и динамика социальных протестов на Юге России, рассматриваемые в контексте кризиса модернизации, проявляющейся в противоречии легальности и легитимности социально-экономического и политического порядка.

Цели и задачи исследования. Основной целью данного диссертационного исследования является социологический анализ причин и динамики социальных протестов на Юге России.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующий комплекс задач:

1. рассмотреть основные теоретико-методологические подходы к пониманию социального феномена протестов;
2. разработать авторскую теоретическую модель детерминации социальных протестов;
3. проанализировать социально-экономический характер протестной активности на Юге России, с выявлением причин и динамики в период с 2007 по 2010 гг., в контексте апробации разработанной теоретической модели;
4. исследовать политическую составляющую протестных действий на Юге России в период с 2007 – 2010 гг. в контексте апробации разработанной теоретической модели.

¹⁸ См.: Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В., Зинев С.Н., Майборода Э.Т. Конфликтный регион: экспертное мнение // Вестник Южного научного центра РАН. 2009. Т.5. № 3.; Дзадзиев А. Миграционные процессы в республиках Северного Кавказа//Кавказский эксперт. 2006. № 4; Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе – М.: ФГНУ «Росинформагротех». 2010.

Методологическая основа исследования.

Методологической основой исследования является структурно-функциональный и системный подходы, традиция которых восходит к Т. Парсонсу и Р. Мертону. Понятие легитимности раскрывается в рамках концептов понимающей социологии М. Вебера. В нашей работе используется термин «антиномия легального и легитимного». «Легальное» рассматривается как формально законное, с точки зрения процедур принятия законодательства. «Легитимное» трактуется как общепризнанное (убеждение людей в том, что существующие институты являются наилучшими для всей социальной системы)

Процессы социальных изменений рассматриваются с точки зрения теории социальной модернизации.

В теоретическом плане данное исследование предполагает оперирование такими понятиями, как «модернизация», «глобализация», «традиции и новации», «социальный инжиниринг», «социальный порядок», «легитимность», «легальность», «аномия», «социальный протест». В сущности, речь идет об использовании специфического терминологического аппарата, разработанного в рамках теории социальной модернизации.

Также мы будем обращаться к познавательному потенциалу методики инвент-анализа и картографическим способам визуализирования.

Научная новизна диссертационного исследования. Научная новизна данного исследования заключается в том, что в качестве детерминанты протестной активности рассматривается кризис легитимности социального порядка. Социальный протест как один из основных индикаторов напряженности рассматривается в контексте кризиса модернизации, проявляющийся в противоречии между легальным и легитимным.

Разработана авторская теоретическая модель социального протеста, в рамках которой установлено соответствие между этапами формирования протестного потенциала и актуализации его в конкретном социальном протесте. В качестве факторов, детерминирующих социальную напряженность, рассматриваются политические, экономические и культурные эффекты модернизации общества. Они проявляются в противоречии между легальными и легитимными социальными практиками и институтами. Данное противоречие выступает основанием социальной напряженности. Потенциал социальной напряженности актуализируется событием-триггером, инспирируемым политическими, экономическими или культурными элитами, что приводит к возникновению социального протеста.

Выявлено, что высокий уровень социальной напряженности на Северном Кавказе в значительной степени задается социально-экономическими характеристиками общественной жизни региона. Акции протеста инспирируются как региональными элитами (этноэлитами), так и организациями гражданского общества. В результате выделяются два типа социальных протестов. Протесты, имеющие экономические причины, инспирированные политическими элитами, трансформируются в политические акции. Протесты, инспирированные организациями гражданского общества, остаются в экономической сфере общественной жизни.

Обнаружено, что на Северном Кавказе высокий уровень политической напряженности обусловлен более глубокими противоречиями между легальными и легитимными (традиционными) социальными практиками и институтами, чем в иных регионах России. Потенциал социальной напряженности актуализируется событием-триггером, инспирируемый политическими элитами (этноэлитами) в целях манипуляции общественным сознанием, детерминируя рост протестной активности.

Положения, выносимые на защиту.

1. Социальный протест представляет собой систему действий, детерминированную наличием в обществе социальной напряженности, возникающей вследствие формирования противоречия между легальными и легитимными социальными институтами и практиками. Данное несоответствие обуславливается социальными, политическими и экономическими последствиями модернизации институциональной системы общества.

2. Модернизация институциональной системы общества рассматривается как одно из оснований возникновения социальной напряженности, которая при определенных условиях (общественно-резонансное событие-триггер, актуализация политической элиты, организации гражданского общества) трансформируется в социальный протест (митинг, пикет, забастовка и др.).

3. Политическое пространство Северокавказского региона характеризуется высоким уровнем социальной напряженности и большим количеством социальных протестов. Высокий уровень социальной напряженности обусловлен более глубокими противоречиями между легальными и легитимными социальными практиками и институтами, чем в других регионах России. Протестная активность детерминирована

значительным количеством общественно-резонансных событий-триггеров, инспирируемых группами региональных политических элит (этноэлит) в целях манипулятивного воздействия на общественное сознание.

4. Социально-экономическое пространство юга России характеризуется высоким уровнем социальной напряженности. Вследствие того, что социальная напряженность актуализируется группами региональных элит (этноэлит) и организациями гражданского общества, в регионе наблюдаются социальные протесты двух типов генезиса: протесты, имеющие экономические причины, инспирированными политическими элитами и предстающие в качестве не экономических, но политических; протесты, имеющие экономические причины, инспирированные организациями гражданского общества и предстающие как собственно экономические.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования.

В диссертационном исследовании осуществлена концептуализация ряда теоретических подходов, исследующих проблемы модернизации институциональной системы современных обществ, проблему легитимности социального порядка, природу и содержание конфликтов и взаимосвязь между кризисом легитимности и динамикой социальных протестов.

Полученные результаты, с одной стороны, могут стать основой для дальнейших теоретических исследований в области ускоренной социальной модернизации и эффективной политики, направленной на преодоление первопричин социальных протестов. Более того, познавательный потенциал разрабатываемых в настоящей работе концептов таков, что сделанные теоретические выводы и сформулированные обобщения могут рассматриваться как вклад в развитие ряда отраслевых социологических дисциплин, таких как политическая, экономическая социологии, социология общественного мнения. Также неоспорима значимость проведенных исследований для макросоциологии.

Вместе с тем, полученные результаты также могут быть использованы для разработки эффективной политики, направленной на преодоление региональных конфликтов, устранение социальной депривации. Снятие же подобного конфликта в качестве одного из своих эффектов, очевидно, может иметь беспрецедентное ускорение темпов модернизации институциональной системы современного российского общества, причем успешность проводимых управленческих мероприятий будет значительно повышена за счет поддержки различных общественных групп, признавших их не только

легальность, но и легитимность, а потому не блокирующих те или иные модернизационные новации через деструктивные протесты.

Результаты исследования могут быть использованы в образовательном процессе при чтении учебных курсов «Социология конфликтов», «Экономическая социология», «Политическая социология».

Эмпирическая основа исследования. Эмпирическую базу данной работы составили:

1. Результаты проведенного автором первичного исследования в формате ивент-анализа СМИ, включая данные территориальных органов федеральной исполнительной власти в пределах ЮФО и СКФО.
2. Данные вторичных социологических исследований.
3. Статистические данные.
4. Монографический материал и современная научная периодика по проблеме.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Отдельные результаты диссертационного исследования были представлены на Всероссийских научных конференциях в: ИСЭГИ ЮНЦ РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: междисциплинарный синтез» (г. Ростов-на-Дону, сентябрь 2010 г.). Материалы исследования были представлены: на региональной научно-практической конференции ЮФУ «Методология, теория и история социологии» (Ростов-на-Дону, ноябрь 2010 г.); также на круглом столе «Состояние и тенденции развития межэтнических отношений на Юге России» в ФГУ «ВНИИ МВД России» Филиал по Южному федеральному округу (г. Ростов-на-Дону, апрель 2011 г.); ИИПРУ КБНЦ РАН «Северный Кавказ в системе стратегического развития России» (КБР, г. Нальчик, май 2011 г.).

Результаты диссертационного исследования опубликованы в 11 научных статьях, в т.ч., в 1 издании из перечня ведущих рецензируемых научных журналах и журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ. Общий объем публикаций составляет 5 п.л.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения; двух глав, каждая из которых состоит из двух параграфов; заключения; приложений; списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования, определяется степень ее теоретической разработанности, ставятся цели и задачи, характеризуется методология исследования, определяется научная новизна и приводятся основные положения, выносимые на защиту, а также дается оценка теоретического и практического значения диссертации, приводятся сведения об апробации ее результатов.

Первая глава «Теоретико-методологические проблемы изучения протестной активности» посвящена общетеоретическим и методологическим вопросам исследования феномена социального протеста населения.

В **первом параграфе «Основные подходы к изучению социальных протестов»** анализируются теоретические позиции отечественных и зарубежных исследователей протестных движений, проведена их сравнительная оценка. В литературе нет устойчивого единства представлений о специфических признаках феномена социального протеста, также слаба методологическая проработка подходов к его изучению. Наиболее авторитетные подходы сформировались в рамках социологической, психологической и конфликтологической школ. В отечественной и зарубежной литературе распространено представление о протестном поведении как о форме неконвенционального действия, не вписывающегося в законные нормы режима, что несомненно сужает сферу анализа протестной активности, исключая действия, носящие открытый, публичный характер. Рассмотрены некоторые теоретические модели в области исследования протестного поведения – концепция относительной депривации С.А. Стауффера, концепция рационального выбора Э. Даунса и теория мобилизации ресурсов Ч. Тилли. Первые две имеют ряд недостатков: экономическая депривация хоть и важная, но не единственная причина недовольства (недоверие к политическому режиму), недостаточно учтен иррациональный краткосрочный фактор, влияющий на поведение людей. Ключевой в проведенном исследовании стала теория мобилизации ресурсов, сосредоточившая внимание на ресурсах и мобилизационных возможностях организации как решающих факторов возникновения общественного движения. Анализ научной литературы в поисках однозначного определения понятия протеста обнаружил их многообразие. К «социальному протесту» относят достаточно широкий круг явлений – «оспаривание», «отрицание»

всей социальной действительности, принципов или отдельной стороны, а также возмущение существующим порядком и институтами власти либо против их определенных тенденций в политике. В отечественной научной литературе социальный протест рассматривается как коллективное действие социальных субъектов, направленное против политического режима, институтов власти или конкретных его представителей. В итоге, в современной отечественной социологической науке существует методологический кризис анализа протеста. По-прежнему доминируют объяснения протеста в контексте теории относительной депривации. М.М. Назаров определяет протест как форму «нетрадиционного» политического поведения, что предполагает отсутствие каких-либо норм, способствующих регулярному проведению митингов, демонстраций, бойкотов, забастовок и т.д., что не означает отсутствие различных нормативных документов, ограничивающих или запрещающих проведение подобного рода акций. Необходимо отметить, что в науке существуют понятия «протестная активность» - вовлеченность (охват) граждан в различные формы протестной активности и её динамику, а также «протестный потенциал» - намерение (склонность) граждан участвовать в протестных акциях при определенных условиях. Важной методологической проблемой остается неудовлетворительный подход к анализу репертуара действий: изучаются либо отдельные акции, либо набор действий, грубо разделенный на «мягкие» и «жесткие» формы. Политический протест рассматривается С.В. Поздняковым как определенная форма выражения несогласия, как противодействующие силы, идущие вразрез основному течению политической жизни. Понятие протеста неразрывно связано с понятием конфликта. Проявление протестных настроений является причиной актуализации конфликта, перехода его из латентной в манифестную фазу. Протест сопровождает конфликты как форма выражения претензий сторонами друг к другу, обозначая предмет конфликта. Таким образом, протестное поведение – это форма участия, включающее совокупность публичных негативных реакций социальных субъектов на деятельность политического режима, с целью влияния на принятие решений. Дефиниция социального протеста рассмотрена в более широком контексте социологического и конфликтологического изучения проблемы социальной напряженности. Анализ первопричин социальной напряженности определяется набором факторов, влияющих на рост протестной активности. Напряженность возникает в условиях рассогласования между социальными

ожиданиями и мерой их фактического удовлетворения, что приводит к росту недовольства отдельных групп или большинства населения. Она возрастает при возрастании осознания данного противоречия массой людей и/или при искусственном инициировании напряженности группой лиц. На Северном Кавказе характерной чертой социальной напряженности выступают её открытые формы выражения, проявляющиеся в стихийных массовых действиях (митинги, пикеты, забастовки), различного рода движениях. Рост моноэтнических общественно-политических организаций и их борьба за влияние и передел власти также вызван высоким уровнем напряженности. Существует несколько стадий и уровней социальной напряженности, отличающиеся пространственно-временными параметрами и формами выражения. От низкого уровня социальной напряженности (неудовлетворенность индивидов или групп на обыденном уровне) до сверхкритического уровня, когда поведение и действия людей приобретают разрушительный характер. Таким образом, уровень социальной напряженности отражает качественную оценку состояния общественных отношений, прямым коррелятом которого выступает социальный протест.

Во втором параграфе «Теория социальных протестов: эффекты модернизации и протестный потенциал» концептуализирован авторский подход к пониманию сущности и характера социальных протестов. Представлена теоретическая модель детерминации социальной напряженности, которая учитывает наиболее значимые факторы, определяющие возникновение протестной активности. Среди них отдельно выделяются эффекты модернизации институциональной системы общества. Существует множественность подходов к определению понятия «модернизация». Вместе с тем, общим моментом является внимание к проблеме противоречия традиционных основ общества и инновационных управленческих решений, направленных на ускорение модернизации. Речь идет о том, что имитационные стратегии модернизации, исходящие от политических элит, вводят в структуру социальных институтов набор практик, существование которых легализовано в рамках официальной нормативности, однако большинством общества не признается в качестве легитимных. Возникает ситуация конкуренции двух социальных институтов – модернизированных и традиционных, следствием чего является общая дисфункция общественной системы. Представлен анализ институциональных X – и Y – матриц, содержащих в себе генетическую информацию, обеспечивающую воспроизводство обществ соответствующего типа. Так, в

Y-матрице, сочетаются экономические институты рынка, политические институты федерации (построения общества «снизу» из отдельных самостоятельных территориальных общностей) и субсидиарные ценности, в которых закрепляется приоритет «Я» над «Мы». Y – матрица доминирует в большинстве стран Европы и в США. X – матрица образована экономическими институтами редистрибуции¹⁹, политическими институтами унитарного устройства (построения общества «сверху» на основе иерархической централизации) и идеологическими институтами коммунитарности, в которых закрепляется приоритет «Мы» над «Я». Россия, страны Азии и Латинской Америки отличаются доминированием X – матрицы. В институциональной структуре обществ действуют базовые (доминирующие) и комплементарные институциональные матрицы. Это означает, что институты рынка сосуществуют с институтами редистрибуции, демократия и федерация – с принципами унитарности и централизации, а субсидиарные личностные ценности уживаются в общественном сознании с ценностями коллективными, коммунитарными. Принципиально важно, что история стран характеризуется устойчивым доминированием одной матрицы, которая определяет рамки и пределы действия комплементарных институтов. Изучая развитие государств, мы обнаруживаем, что доминирование X – или Y – матрицы носит «вечный» характер и определяет социетальный тип общества. Именно доминирующая матрица отражает основной способ социальной интеграции, стихийно найденный социумом в условиях проживания на данных пространствах, в определенной окружающей среде. Условием стабильного развития общества является легитимность существующего порядка, а в контексте модернизации с неизбежностью возникает противоречие между легитимным и легальным, таким образом, именно эффекты модернизации признаются в качестве базовых детерминант социальной напряженности. Процесс модернизации в России можно отнести к эндогенно-экзогенному типу, осуществляемой как на собственной основе, так и на основе заимствований. Для России характерна особая роль государства в определении направления модернизационного процесса: подмена модернизации общества модернизацией государства – его военно-индустриальной мощи, бюрократического аппарата, репрессивных органов, государственного сектора экономики. Переход от одной фазы модернизации к другой, как правило, сопровождается сильными потрясениями, которые

¹⁹ Polanyi K. The Livelihood of Man. – N.Y., 1977.

характеризуются ломкой основных социальных институтов, регулирующих поведение. Основная трудность модернизации России заключается в том, что в постиндустриализации нашей страны непосредственно заинтересовано лишь меньшинство населения.

Разработанная теоретическая модель детерминации протестной активности учитывает не только наиболее значимые факторы, определяющие возникновение социальной напряженности, но и механизм трансформации социальной напряженности в протестный потенциал, а также механизм актуализации протестного потенциала в протестные действия (акции протеста). Механизмом, дающим возможность установления взаимосвязи между эффектами модернизации и социальной напряженностью, является увеличение разрыва между быстрым ростом ожиданий, вызванных общественными изменениями и гарантируемыми инновационными общественными практиками и возможностями их реального удовлетворения. Рост социальной напряженности приводит к формированию протестного потенциала. Здесь необходимо учесть фактор манипуляции общественным сознанием со стороны организованных акторов (политических партий, экономических групп и общественных организаций) через генерацию общественно-резонансного события, актуализирующего протестную активность.

Таким образом, ускоренная модернизация институциональной системы России имеет в качестве одного из своих эффектов возникновение противоречия между легальными и легитимными социальными институтами, между традициями и инновациями, что нарушает систему перераспределения социальных капиталов, приводя к социальной напряженности. В свою очередь социальная напряженность рефлекслируемая отдельными социальными группами в связи с конкретными экономическими, политическими и культурными формами социальной депривации, конституирует потенциал протестной активности. Условием актуализации протестного потенциала является вмешательство в модернизационные процессы и манипулятивное воздействие на общественное сознание со стороны акторов, которые обладают существенными организационными ресурсами. Данные акторы инспирируют некоторое общественно-резонансное событие, которое влияет на осуществление перехода протестного потенциала в конкретные формы протестной активности.

Во второй главе «Характер протестной активности на Юге России» произведена апробация предложенного концептуального подхода и

разработанной теоретической модели детерминации протестной активности. Анализ переменных социальной напряженности через исследование многообразия экономических и политических факторов позволил определить детерминанты роста протестной активности.

Рассмотрены социально-экономические причины социальных протестов посредством изучения экономической сферы общественной жизни и социальной напряженности в ней возникающей. В качестве доказательной базы используются как первичные данные, представляющие собой результат авторского исследования, так и вторичные данные. Исследована протестная активность, связанная с набором политических детерминант, установлены количественные и качественные характеристики и соотношение между экономическими и политическими основаниями протестной активности.

В первом параграфе «Социально-экономический характер социальных протестов» проанализированы экономические аспекты ускоренной модернизации институциональной системы Северного Кавказа. Такой анализ позволил выявить набор экономических факторов, определяющих высокий уровень протестной активности в регионе. Указаны основные социально-экономические показатели, отражающие общий депривационный фон, влияющий на социальную напряженность. Низкий уровень ВРП, дотационность бюджетов национальных республик, теневая экономика, клановые механизмы управления, миграционные процессы и другие показатели констатируют существенную неразвитость региона, которая преодолевается модернизационными стратегиями, целевыми программами и другими легализованными нормативностями, реализация которых наталкивается на ригидность, косность традиционных институтов.

В итоге, протесты социально-экономического характера в республиках СКФО за 2007 – 2010 гг. распределились по следующим основаниям: земельные споры (24,5 %), проблемы ЖКХ (18,9 %), низкий уровень доходов (13,6 %), рост цен, тарифов ЖКХ, низкий социальный уровень в регионе в целом: общая безработица, а также экологические проблемы, антикризисные меры правительства, монетизация льгот, точечная застройка, публикации в СМИ.

Существенное место среди факторов социальной напряженности занимают проблемы человеческих ресурсов и безопасности окружающей среды как основы для эффективного социально-экономического развития. Экологические протесты (чаще всего против загрязнений воды и воздуха в

Северной Осетии-Алании) и протесты против точечной застройки крупных городов объединены общими причинами. И в том, и в другом случае речь идет о борьбе против ухудшения окружающей среды.

Жилищный вопрос – 0,9 % от всех социально-экономических протестов звучал в выступлениях ветеранов афганцев и участников других военных конфликтов, нуждающихся в жилье или улучшении жилищных условий. Протесты обманутых дольщиков составили 0,4 %. Это граждане, которые заплатили свою долю за квартиры в доме, но они до сих пор не достроены и не сданы. По мере того, как обнаруживалось нежелание и бессилие органов решить проблемы этих граждан, градус протеста непрерывно возрастал и выливался в радикальные акции в Северной Осетии-Алании.

Между тем, очевидно, что у этого движения наиболее мощный потенциал, поскольку эти люди потеряли не только накопления, часто собственное жилье, но и веру в надежность государственных и политических институтов, иными словами, мы сталкиваемся с кризисом легитимности.

Заметное место в социальном протесте занимают забастовки и трудовые конфликты. Преимущественно это требование либо выплаты долгов по заработной плате, либо требования по её повышению (Кабардино-Балкарская республика).

Протесты малого бизнеса составили 0,8 %. Весьма близки по духу к трудовым и бытовым протестам протесты предпринимателей, которые, в основном, выступают против ухудшения условий для малого предпринимательства и закрытия рынков, где они зарабатывают себе на жизнь (Кабардино-Балкарская республика).

Примечательно, что большая часть протестов происходит с незначительной мобилизацией человеческих ресурсов.

Фактически это подразумевает предельную конкретность поводов протеста, которые инициируются для демонстрации коллективной позиции относительно некоторого регионального или даже местного предмета.

На примере Кабардино-Балкарской республики, проведен анализ социально-экономического характера протестной активности населения. Выделены основные детерминанты выступлений. В результате, мы сталкиваемся с протестной активностью только в случае манипулятивного вмешательства со стороны элит, инспирирующих общественно-резонансные события-триггеры для актуализации протестной активности. Ситуация осложняется и такими дополнительными обстоятельствами, как

существование общественных движений, которые подконтрольны небольшой группе лидеров, но позиционируют себя как выразители интересов целого народа, борьба внутри региональной элиты за собственность и контроль над бюджетными ресурсами, готовность силовых структур и судебной власти содействовать некоторым участникам конфликта, нерешенность социальных, инфраструктурных, территориальных проблем, важных для значительных слоев населения, в том числе для целых народов.

Второй параграф «Политический характер социальных протестов» посвящен исследованию протестной активности, связанной с набором политических детерминант на Северном Кавказе в период с 2007 – 2010 гг. в контексте апробации разработанной теоретической модели, установлены количественные и качественные характеристики данного процесса. Политическая компонента общественной жизни регионов СКФО характеризуется высоким уровнем социальной напряженности. Это обусловлено глубокими противоречиями между легальными и легитимными (традиционными) социальными практиками и институтами.

Политические игроки, действующие на территории республик Северного Кавказа условно подразделяются на пророссийские и сепаратистские этнические акторы, а также власть федеральную и региональную. Наличие стольких действующих лиц на политической арене усложняет их взаимодействие, а также вызывает рост напряженности в системе в целом.

Политика центральных и региональных органов власти занимает первое место по числу акций (бездействие властей в урегулировании межнациональных конфликтов, в поиске пропавших без вести людей, против вынесенных «несправедливых» судебных решений, противоправные действия силовых структур, «незаконные» задержания и др.) – 50, % от всех протестов политического характера. Однако по массовости, ведущая позиция отводится кадровым противоречиям – 34,6 % от всех протестов политического характера. На втором месте представлены протесты, связанные с недовольством органами власти (противоправными действиями сотрудников силовых структур т.д.) – 28,8 %. Преступные действия на территории республик Северного Кавказа также отразились в протестной активности населения против убийства, террористических актов, похищений мирных жителей в республиках СКФО – 25,8 %. Фальсификация итогов выборов различного уровня, в частности в Госдуму РФ, нарушения во время

выборов президента России 2 марта 2008 г.; выражение недовольства внесением изменений в Устав городского собрания г. Каспийска в Дагестане; снятие списка КПРФ с участия в выборах в республиканский парламент Дагестана были главными причинами недовольства протестующих, что составляет 8,6 % от всех протестов политического характера. Особенно остро данные формы выражения недовольства наблюдались в Дагестане. Выборные процедуры как элемент демократической системы, легализованные в нормативных актах, слабо реализуются на практике, в особенности в полиэтнических регионах. Межэтническое противоборство на уровне местной власти усугубляется вмешательством со стороны федеральных структур управления, что приводит к дисбалансу этнополитической системы на Северном Кавказе. Приверженцы различных политических акторов провоцируют протестные выступления, используя любые методы, чтобы привлечь население на свою сторону.

Террористическая активность отдельный конфликтогенный фактор напряженности в республиках. Население резко реагирует против данного рода преступлений, адресуя свой протест органам региональной и федеральной власти, требуя обеспечения безопасности и скорых судебных решений. Легальные процедуры противодействия терроризму, оформленные законодательно, слабо реализуются на практике, вызывая недовольство населения в виде роста протестной активности. Отношение населения к преступникам непримиримо, вера граждан в возможности правосудия достаточно шатка. Несмотря на формальную «отрешенность» права от политики эти судебные разбирательства, несомненно, имеют политический характер, содержат этнополитические доминанты. Таким образом, политические основания социальной напряженности посредством манипулятивного вмешательства со стороны региональных политических элит, трансформировались в открытый, публичный протест.

Наибольший политический накал проявился в протестных действиях в республике Ингушетия. Среди основных причин лидирующие позиции занимают детерминанты, связанные с недовольством органами власти различного уровня, преступлениями (убийства, похищения, террористические акты), миграционными процессами, фальсификацией выборов.

Высокий уровень протестной активности политического характера вызван кадровыми противоречиями на различных уровнях государственной власти, часто связанными с нарушением этнического представительства в

системе управления, в частности в КБР, КЧР и Дагестане. Типичным адресатом недовольства населения выступает государство в лице различных структур власти федерального и регионального уровней, неспособное обеспечить безопасность своих граждан от преступлений террористического характера, в частности.

Политическая компонента общественной жизни регионов Юга России характеризуется высоким уровнем социальной напряженности, что обусловлено более глубокими противоречиями между легальными и легитимными (традиционными) социальными практиками и социальными институтами, чем в иных регионах России.

В заключении содержатся итоговые формулировки исследования, высказываются соображения о мерах, регулирующих протестное поведение для снижения уровня социальной напряженности для руководителей различного уровня.

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие научные работы:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

Челпанова Д.Д. Теоретико-методологические подходы к изучению протестной активности населения // Научная мысль Кавказа. № 2. 2011. С. 27- 33.

Другие издания:

Челпанова Д.Д. Протестная активность населения Северного Кавказа // Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: междисциплинарный синтез. Тезисы Всероссийской научной конференции (28 – 29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Р н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. 2010 . С. 345-348.

Челпанова Д.Д. Протестная активность как индикатор напряженности на Северном Кавказе // Методология, теория и история социологии: сборник научных статей. Материалы межрегиональной очно-заочной научной конференции «Методология, теория и история социологии» (Ростов-на-Дону, 10 ноября 2010 г.) / Под ред. д.с.н. В.И. Филоненко. Р н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ. 2011. С. 238 – 241.

Челпанова Д.Д. Модернизация и протесты // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Северный Кавказ в системе стратегического развития России» (Россия, КБР, г. Нальчик, 10 – 14 мая 2011г.) Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН. 2011. С.180 – 181.

Челпанова Д.Д. Протестная активность населения и модернизация России // Труды аспирантов и соискателей Южного федерального университета. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ. 2011. Т. XVI. С. 336 – 338.

Челпанова Д.Д. Северный Кавказ: протестная активность населения в 2009 – 2010 гг. // Материалы круглого стола «Состояние и тенденции развития межэтнических отношений на Юге России» ФГУ «ВНИИ МВД России» Филиал по Южному федеральному округу, в печати

Челпанова Д.Д. Основные дестабилизирующие факторы протестных выступлений в Северо-Кавказском регионе сквозь призму СМИ // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Материалы Всероссийской научной конференции (13-15 сентября 2011г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 89 – 94.

Челпанова Д.Д. Протестная активность населения Ингушетии // Системный кризис на Северном Кавказе и государственная стратегия развития макрорегиона: Материалы Всероссийской научной конференции (13-15 сентября 2011г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 78 – 81.

Басаева Е.К., Каменецкий Е.С., Хосаева З.Х., Челпанова Д.Д. Математическое моделирование напряженности общества в РСО-А и ее связи с протестной активностью населения // Системный кризис на Северном Кавказе и государственная стратегия развития макрорегиона: Материалы Всероссийской научной конференции (13-15 сентября 2011г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 12 – 16.

Челпанова Д.Д. Северный Кавказ: протестная активность населения в 2009 – 2010 гг. // Состояние и тенденции развития межэтнических отношений на Юге России: сборник материалов Круглого стола ФГУ «ВНИИ МВД России». – Ростов н/Д: Изд-во «Аспект», 2011. С. 214 – 217.

Челпанова Д.Д. Протесты социально-экономического и политического характера на Северном Кавказе в 2007 – 2010 гг. (по материалам эмпирического исследования). – Ростов н/Д: Изд-во: ООО «АзовПечать», 2011. – 48 с.

Печать цифровая. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Формат 60x84/16. Объем 1,0 уч.-изд.-л.

Заказ № 2331. Тираж 100 экз.

Отпечатано в КМЦ «КОПИЦЕНТР»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Суворова, 19, тел. 247-34-88

102